
ПЕРЕСАДКА В БОЛОНЬЕ

Платформы на станции Мизано, как и на всех маленьких итальянских станциях, были низкими. Суховатая итальянская трава поднималась с ними вровень. На одной платформе толпились в ожидании поезда на Анкону. На другой — желали в сторону Болоньи. Пространство между перронами выглядело соблазнительно плоским.

Ни с одной из сторон поезда не было видно и в помине, и поэтому одиннадцатилетний Кирилл сообщил отцу, что перебежит сейчас через пути и купит на противоположной стороне, в здании вокзала, в кафе ещё одно пирожное с кокосовой стружкой. В дорогу. Топать к подземному переходу в конце платформы было, конечно, не резон.

Дмитрий Олегович смутился.

— Подожди, Кирилл, — он указал на красные сигнальные буквы, бегущие по маленькому бетонному откосу противоположной платформы, — видишь, тут запрещено переходить! Тут, знаешь, с запретами не шутят.

Кирилл насупился.

— А чего мне будет-то за это?

— Ну, оштрафовать могут... меня.

— Кто оштрафует-то? — Кирилл расширил светло-карие глаза. — Тут полицейских ва-ще нет! Я их и не видел ни разу!

— Нельзя тут, Кирилл, — тихо сказал Дмитрий Олегович, — видишь, никто через них не бегают. Не принято тут... так нарушать.

— Запреты, они для того, чтоб их нарушать, — сообщил сын хмуро. — Андрей так говорит.

Фраза была произнесена папе в отместку — без сомнений. Андрей был нынешний муж матери Кирилла. Её брак с Дмитрием Олеговичем был драматически денонсирован спустя три года после рождения Кирилла. Короткое это супружество вовсе не было омрачено крупными раздорами или неурядицами деликатного свойства. Всё было довольно ровно. Дмитрий Олегович был старше Оксаны на тринадцать лет, но они вполне дружно жили в его маленькой двухкомнатной квартире у Речного вокзала. Тем не менее, встретив Андрея — молодого хозяина двух фитнес-центров, Оксана особенно не колебалась. Андрей замечательно олицетворял воспетую в глянце, крепкую, преуспевающую мужественность. Дмитрий Олегович как-то прохлопал этот быстрый роман. Он в принципе соображал, что с красавицей-женой — вечные хлопоты, но полагал, что с рождением сына их будет меньше. Роковое заблуждение. Один ушлый его приятель предупреждал, что, родив, красавицы отвязываются. Разбирался в предмете.

Новый муж Андрей легко принял Оксану вместе с трёхлетним сыном, что тоже, конечно, указывало на благородство природы и определённые возможности. Маленькому Кириллу была тут же пожалована целая игровая комната, а совсем скоро и крохотная сестрёнка. За этим дело не стало. С тех пор Кирилл мог ощущать себя сыном двух отцов, из коих одного — вечно весёлого и мускулистого — можно было видеть каждый день, просить о покупке щенка сенбернара и звать по имени. Второго же — лысоватого и назидательно-раздумчивого, коего и надлежало именовать «папой» и никак не по

имени, Кирилл мог наблюдать в основном по субботам дважды в месяц, и иногда ему это казалось чересчур часто. В таких случаях мама Оксана, добрейшая женщина, увещевала сына, настаивая на запланированной встрече.

Теперь, когда сыну шёл двенадцатый год, его запросы в сфере познания и потребления окружающего мира серьёзно повысились и укрупнились. Их география охватывала уже пару сытых и симпатичных европейских стран. Впрочем, в Италии он ещё не был, чем Дмитрий Олегович не преминул воспользоваться. Он поступил взвешенно и политически грамотно. Кирилл заканчивал этот год вроде бы без троек, если не считать одной — по биологии. Дмитрий Олегович объявил, что недельный тур в Римини с двадцать первого мая — это заслуженный приз. В связи с чем последнюю декаду месяца можно было и не доучиваться. Сын, который Италией, может быть, и не бредил, идею в данной упаковке очень даже поддержал.

В вагоне первого класса вольно гуляла кондиционированная прохлада. За окнами быстро плыла провинция Эмилия-Романья.

— Смотри-ка! — закричал Кирилл, не отрываясь от окна. — Катюшки на поле!

— Это сено, — определил Дмитрий Олегович, — это у них вместо стогов... Правда, в мае почему-то...

С первого дня тура он пребывал в некотором напряжении. И постоянно вспоминал другую поездку по этому же маршруту. Та двенадцатилетней давности поездка была счастливейшим событием его жизни. Теперь в этом уже не было сомнений.

Когда они подъехали к станции Имола и в окне поплыли чистенькие бежевые и кремовые коттеджи, Кирилл осведомился:

— А вот этот город — он тоже древний?

Дмитрий Олегович уверил:

— Конечно. В Италии не древних городов нет.

— А вот наш, Мизано, и не древний совсем, — возразил сын, и похоже, просто из чувства противоречия, — там отели одни.

Здесь на станции Имола двенадцать лет назад у них проверили билеты, и Оксана, поблескивая глазами, сразу же предложила перебраться в первый класс. Просто так, из любопытства и для опыта. Они ехали во втором. В первом и правда было полно пустых мест. Напротив оказался седой полный синьор, который не столько читал «Републику», сколько таращился исподтишка на Оксану — гибкую, загорелую, русоволосую. Потом снова слева и справа летели виноградники и светло-зелёные лужайки. Оксана время от времени радостно стискивала его кисть и шептала: «Смотри! Смотри! Вон там!» Пожилой синьор буравил глазами мимо «Републики». Сбоку студенты открывали банки с пивом.

Путь с Оксаной остался в тёмной придонной глубине памяти, в иной эпохе. В предшествующем миллениуме.

В Болонье им нужно было пересаживаться на «Евростар», идущий до Флоренции. Сто или сколько там километров он просто обязан был одолеть за полчаса. Иначе Кирилл бы ему не простил.

Участок пути от Болоньи до Флоренции был замечательен. Дорога тут рассекала Апеннинский хребет, заставляя поезд то и дело нырять в длинные тоннели.

...Им с Оксаной не хватило тогда сидячих мест в вагоне. Он был переполнен, и они отправились по составу до ресторана. Тут у стойки бара он купил две маленькие бутылки с белым вином и вернулся к ней за столик. Они

сидели на потертых сиденьях друг напротив друга, потягивая вино и наблюдая мелькание зелёных склонов с белыми вкраплениями домов. В эти именно минуты его посетило то ослепительное бесподобное ощущение счастья, которое позже уже не баловало. Оно, в сущности, и не должно посещать человека часто.

Когда отец с сыном вышли из-под длинного козырька вокзала, солнце уже набрало полуденную мощь. Воздух был сух и горяч. Зной источали старые стены домов и светлая плитка, которой выложены были узкие тротуары. Выход из тени под яростные лучи казался переходом в иную реальность. Кирилл прилипал к витринам, хмыкая и копая в носу. Потом на маленькой площади, мощенной могучими плитами, он вволю поплескался под водяной струей, бьющей из львиной пасти.

— Па. А ты ведь был уже здесь, да? С мамой?

— Был. С мамой.

Они свернули в другой извилистый проулок, следуя за густым потоком туристов, одетых как на пляж. Над крышами вырос купол — величественный, в красной блестящей чешуе. Потом ещё был древний мост над мелководной речкой Арно, и за мостом программа, в сущности, была исчерпана. У них оставалось ещё несколько часов до поезда на Болонью. Они шли по длинной узкой улице, заглядывая в кафе, — выбирали, где притормозить и взять по овощному салату и по кофе.

Кирилл первым среагировал на длинный женский вскрик и дернул отца за короткий рукав тенниски. За вскриком последовала серия коротких воплей: женщина выкрикивала какие-то слова.

Дмитрий Олегович, изучавший меню у входа в кафе, посмотрел через плечо. Он моргал и щурился. Кафе

гнездилося на углу улицы и узкого, пахнущего сыростью (блаженством!) переулка. Из толпы, расталкивая локтями ротозеев, вылетел чернявый парень с дамской сумкой в руке. Он чуть накренился и резко свернул влево, намереваясь нырнуть в переулок. Кирилл открыл рот. Дмитрий Олегович скривил лицо, будто собираясь выпить горькое, и, когда парень на мгновение поравнялся с ним, неожиданно выбросил руку и резким движением выхватил сумку. Беглец по инерции пролетел ещё несколько шагов, нелепо растопырив руки. Но справился. Остановился и тут же метнулся назад с перекошенным лицом. Он подлетел к отцу Кирилла с таким пылом, будто готов был тут же свалить заступника чужой собственности на древний булыжник. Но не свалил, а попер грудь, пытаясь быстрым обезьяним движением выхватить сумку, которую Дмитрий Олегович спрятал за спину. Дмитрий Олегович отступил, увертываясь. Вор, выкрикнув ему что-то в лицо, вдруг выкинул вперёд руку с ножом. Лезвие уперлось обидчику в подбородок.

Вор ощерился, сделал короткий взмах и остановил, задержал лезвие, лишь коснувшись тенниски врага. Бледный Дмитрий Олегович качнулся. За его спиной возникли наконец крики подотставшей погони. Парень, тяжело дыша, спрятал нож и совершенно неожиданно плюнул Дмитрию Олеговичу в лицо. После чего развернулся и умчался в переулок. На сына с отцом вылетела грузная пожилая женщина в белом и следом за ней тоже пожилой сухопарый мужчина в шортах. Дмитрий Олегович придержал его за плечо. Жертвы грабежа разом обернулись. Дама, дыша тяжело, протянула руки и приняла сумку. Ещё пару секунд заняло изучение её недр. Потом женщина прерывисто сказала по-английски: «Спасибо! О, спасибо!» В глазах её, впрочем,

всё ещё стояли смятение и ужас. Дмитрий Олегович потянул сына за руку, и они скользнули в кафе.

— А тётка эта американка, да? — спросил Кирилл, прожевывая оливку.

— Наверно, — Дмитрий Олегович взглянул сквозь бокал на свет.

— Америкосы — они жадные, — убежденно сказал Кирилл, — жадные и тупые.

Дмитрий Олегович посмотрел выразительно:

— Ну да, тупые. Компьютер изобрели, и тот телефон, которым ты пользуешься.

Сын весьма искусно изобразил лицом животное — хомяка. Грызуны у него получались особенно.

На поезд они едва не опоздали, потому что заблудились и шли на вокзал самой длинной дорогой. В Болонье, где у них был ещё час до поезда на Анкону, отец подбил сына заглянуть напоследок в ещё одно кафе — с разноцветным мороженым в крупных ячейках.

Кирилл оценил. Разминая ложкой скользкий кофейно-шоколадный шар, теснящий другой — жёлтый, цитрусовый, он заметил:

— Самое оно. Что нужно было! И «спрайтику» ещё! И хорошо, что с вокзалом рядом, а то бежать потом... Па, а правда, Юпитер, он из газа?

— Газовый шар, — подтвердил Дмитрий Олегович, — нет твёрдой поверхности.

— Охренеть! — восхитился Кирилл, вминая ложку в шоколадный Юпитер. — Просто прикол.

Спустя пару минут он пожелал в туалет.

— Возьми ключ у бармена, — посоветовал Дмитрий Олегович, — это на втором. Там нет разделения на мужской и женский, он там один. Большой и удобный, и с музыкой.

Пока сын ходил исполнять замысел, отец сидел хмуро и почти недвижно. Но потом, заметив, что яростный луч из окна скользит по быстро тающим планетам в вазочке, машинально двинул её по столу в тень. Ему очень хотелось именно здесь и именно сейчас извлечь из памяти прежнюю щемяще-сладостную ностальгическую ноту. Вынуть из глубин памяти ещё пару сюжетов из той, двенадцатилетней давности, поездки. Но эта нота уже не звучала. Что-то нарушилось. Память вместо этого непрерывно исторгала бешеные глаза и быстрый оскал уличного грабителя.

Еще он сейчас был бы не прочь закурить, но с этой привычкой было покончено ещё за пару лет до Оксаны.

В поезде они почти не разговаривали. Сидя напротив отца в удобнейшем кресле с подлокотниками, Кирилл потягивал лимонад из банки. Дмитрий Олегович следил за мельканием поросших лесом холмов. На секунду он всё же оторвался от окна.

— Согласись, тут по этим местам лучше прокатиться на поезде, чем на машине. Больше увидишь.

Кирилл смотрел в глубь банки. Ответил как-то отрешённо, с вялой интонацией.

— Андрей взял бы машину...

Дмитрий Олегович чуть не выругался. Ей-богу, любому терпению есть предел.

— Мы с Андреем очень разные люди, — сказал он резко.

— Да, разные, — согласился Кирилл.

— У него денег больше, — подзадорил отец.

— Денег? — Сын на секунду задумался, глядя в окно. — Разве? Да не. Я в другом смысле... Ты ведь хотел как бы вспомнить... ну, места эти, да? Ты маму любишь.

Ошарашенный поворотом темы, Дмитрий Олегович ответил не сразу. Но всё же хмуро и с достоинством сказал:

— Ну что ж. Он тоже, наверно, любит.

— Нет. — Кирилл отхлебнул из банки и как-то очень просто добавил: — Нет, не любит. У него есть другие женщины.

Оставшийся путь до их курортного местечка они в основном молчали, а Дмитрий Олегович размышлял. С самой мыслью сына он был вполне согласен, но полагал, что для такого зрелого заявления, в общем, нужен был повод. Эпизод с грабителем был явно из другой итальянской оперы. Склонный с некоторых пор к мистике, Дмитрий Олегович принял, в конце концов, весьма занятную версию: на сына, вероятно, повлияло то, что часом раньше в Болонье он посетил место своего зачатия.

ПАРИЖСКАЯ ПОДВОРОТНЯ

Это была даже не ирония, но прямо-таки кривая усмешка судьбы. Ещё с лета Сергей готовился совершить с любимой женщиной Ириной поездку в город Париж. Они облюбовывали и обсуждали отели, намечали маршруты прогулок, выбирали даты. Потом Ирина разом решила, что это будет точно неделя перед Рождеством. И выбрала отель. Перспектива прояснилась. И вот именно в первых числах декабря Сергея одолел недуг, о котором он до сих пор только читал и к которому до сих пор относился скорее с иронией, чем со страхом, но который, как оказалось, мог из любого праздника сделать сущее наказание.

Собственно, главную вину нужно было возложить на Эдика Кравчука. Он, едва выпал первый снег, зазвал всех к себе на тёплую дачу под Сергиевым Посадом отмечать начало зимы и модернизацию бани. Все приехали с женами, но как раз жены в парилке почти и не сидели, предпочтя салонную беседу под пиво и вино в комнате отдыха, пахнущей можжевельником. А вот Сергей, Эдик и прочие сорокалетние бойцы оттянулись по полной: высказывали из парилки на свежий снег, барахтались голышом в сугробах и даже смастрячили кургузого снеговичка с морковкой в нижнем шаре. И уже к вечеру Сергей ощутил лёгкую простуду, но

дело было не в ней. Дело было в том, что таинство мочеиспускания в тёплом туалете сопровождалось резью и некоторыми затруднениями. Утром явления повторились и даже усилились. А на следующий день врач в светлом кабинете платной поликлиники бодро и деловито озвучил диагноз и назначил лечение.

В общем, ничего страшного тут не было: следовало пропить назначенный антибиотик, а также принять ещё кое-какие довольно тягостные меры. Курс занимал неделю. До отлета в Париж оставалось две недели. Ирине были куплены новые зимние полусапожки.

После лечения Сергею вроде бы полегчало, но как-то не до конца. В раздражении он даже позвонил Эдику и выразил сожаление о банном дне. Эдик, как старый друг, изобразил, что дико расстроен и смущен, и стал давать советы. Сергей, морщась, слушал. Его жена Анна, кстати, ветеринар по специальности, считала, что антибиотик был подобран не совсем удачно. И намекала на то, что недуг этот отступает медленно: «Сержик, наберись терпения, и, кстати, никакого алкоголя». Для неё Серж улетал на двухдневную конференцию по фармацевтическим технологиям и биофармации, причем не в Париж, а рядом, в городок Мо, где и вправду подобная конференция планировалась на двадцатые числа декабря. Анна заслуживала серьёзной и продуманной легенды с учетом почти пятнадцатилетнего супружеского стажа. Технологией Серж и впрямь занимался, работая инженером на подмосковном предприятии одной крупной фармфирмы. «Но ты уж выберись оттуда в Париж, — советовала Анна, — не сидеть же тебе всё время в этом городке». Сергей успокаивал её, объясняя, что после пары дней напряжённой работы организаторы дадут им ещё пару дней на изучение столицы, а как иначе. Итого четыре дня.

Анна была спокойной, уравновешенной и домовитой. Качества вязались с её обликом. В год свадьбы она была милой пухленькой невысокой шатенкой с изюминкой. Но с возрастом, как известно, некоторые диспропорции могут усугубляться. Теперь женой довольно крепкого и рослого сорокатрёхлетнего Сергея была просто дебелая кряжистая крашенная блондинка с добрым лицом. Никакого особого кризиса у них в отношениях не наблюдалось. В Анне, в её крупном бюсте, округлых руках, мягкой материнской улыбке, заключались тепло и уют. И Сергей их ощущал. Но избежать чар красивой и яркой Ирины всё же не мог. И более того. Возможно, какую-то подобную встречу он и ждал.

Ирина была, конечно, королева. Довольно высокая, стройная, с гордой посадкой русоволосой головы, с точеным лицом, весёлым взглядом зелёных глаз. Она могла позволить себе надевать облегающие платья и вообще одеваться дорого. Королевы бывают особенно неотразимы, когда сами оказывают сдержанные знаки внимания. Нет, робкую инициативу следовало приписать Сергею. Но Ирина в нужный момент сделала тихий шаг навстречу. Сергей оказался покорен. Королева жила вдвоём с пятнадцатилетней дочерью. Последний развод она пережила лет пять назад. Сергей тоже был ожидаем — можно сказать и так. Интересно, что их знакомство вышло из рекламы: фирма Сергея желала рекламировать свой новый препарат, а созданием двадцатисекундного волшебного телеролика ведала фирма Ирины. Первые деловые переговоры стали их первой встречей. Те, кто полагает, что все главные нити завязывает сейчас в узелки любезный Интернет, всё же не совсем правы.

Поездка в Париж была замыслена в итоге спустя примерно год после знакомства на телестудии. Идея поездки принадлежала Ирине. Это была инициатива сильной

свободной женщины. Расходы они договорились делить пополам.

Ранним утром в аэропорту Шереметьево он, допивая кофе и рассматривая утреннюю, хмуроватую Ирину, пытался припомнить какие-то симпатичные, накопившиеся за эти месяцы мелочи, чтобы понять всё же некий главный вектор. Месяцы были насыщены еженедельными пылкими встречами, выездами за город, совместными покупками. Ещё походами в кино, где она (а, кстати, не он) могла иногда решиться в темноте зала на маленькие шалости: отправляла руку ему в джинсы и, находя там что-то, как бы успокаивалась и полчаса грела таким путем прохладную ладошку. Сергей в это время сохранял чопорное спокойствие, хотя и млея.

При этом у неё был сильный, наверное, даже бойцовский характер и непростой жизненный опыт, и весьма серьёзная профессиональная репутация в среде специалистов по теле-рекламе. Но ни характер, ни опыт никак пока не омрачали Ирину светлое правильное лицо. С Сергеем она была почти всегда добродушна и улыбочива. И не злоупотребляла косметикой.

Но всё же некую определённую в этот поток милых еженедельных радостей пора было уже вносить. И Сергей знал, что тридцатилетняя Ирина этого ждет. Королевы бывают терпеливы. Но они не хуже всех иных женщин знают цену времени: каждой недели и каждого месяца.

Вот о чем думал женатый человек Серж Фетисов, сидя около семи утра в аэропорту Шереметьево и допивая кофе. Он хотел и дальше быть с Ириной, она чудесно соответствовала его представлениям о женском идеале — даже так. Но, значит, надо было принимать решение. И возможно, сразу же после этой поездки.

Он поставил чашку на блюде и посмотрел на Ирину.

— Ты не выспался, конечно? — спросила она. — Но другие рейсы вообще во второй половине были. Теряли бы день.

Сергей бросил взгляд на экран телефона. Накануне заботливый Эдик прислал послание с очередным советом: «купи в парижске препарат ликопрофит потенциал)) самое сильное средство мне братан подтвердил и тесть его))».

В самолёте он всё же задремал. Его разбудила стюардесса «Эйр Франс», сказавшая прямо над ухом пару французских фраз. В это же время заговорил командир. Сергей заморгал.

— На посадку идём?

— Наверно, — сказала Ирина, улыбаясь, — не поняла точно. Просто приятно послушать французскую речь.

В электричке по дороге из аэропорта Шарль де Голль он жадно вглядывался в местности за окном. Там плыли малоэтажные городки, проступали островерхие силуэты церквей, серебрились полянки и придорожные откосы. Зима обозначала себя скромно.

— Подмороженная Франция, — сказала Ирина.

Сергей никогда не был во Франции, хотя не раз выезжал с женой на курорты — в основном в Турцию и два раза на Кипр. Ощущения теперь были совершенно новыми: любопытство, смешанное с беспокойством, радость, в которой, как во всякой радости, кажущейся немного ворованной, был чересчур ощутим привкус тревоги.

Сергей не успел обмыслить ещё новизну ощущений, поскольку уловил настойчивую просьбу организма. Он уже знал, что с этим тянуть нельзя. И врач его об этом предупреждал.

— Я в туалет, — сказал он Ирине и двинулся по вагону между двумя рядами сидений. Туалет обнаружился